

Methodological Individualism and Holism for Interdisciplinary Research

The paper explores the theory, practice and prospects of interdisciplinary research in the social sciences. We look at methodological individualism and holism both as alternative and as complementary approaches in economics and sociology. This addresses the ongoing competition between proponents of methodological individualism (in neoclassical economics) and holism (mostly in heterodox economics) for obtaining ‘genuine knowledge’ in modern economic theory. We analyse the content, capabilities and limitations of proposed "synthetic" methodologies, like "institutional individualism", the "homo socioeconomicus" model, and "methodological relativism". We conclude that currently there are no satisfactory and internally consistent "synthetic" methodologies that can be used to “develop useful social theories for acting researchers”. We consider the complementarity bases of methodological individualism and holism in conducting interdisciplinary research.

Keywords: methodological individualism, holism, mainstream economics, heterodox economics

JEL Classification: B50, B51, B52

С.Г. Кирдина
ИЭ РАН (Москва),
Ю.Г. Павленко
ИЭ РАН (Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ХОЛИЗМ: ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация: Работа посвящена анализу теории, практики и перспектив междисциплинарных исследований в социальных науках. Рассмотрены методологический индивидуализм и холизм как альтернативные и одновременно дополняющие друг друга подходы в экономике и социологии. Отмечается, что между сторонниками индивидуализма (неоклассиками) и холизма (как правило, гетеродоксами) в современной экономической теории продолжается конкуренция за «истинность» получаемого знания. Проанализированы содержание, возможности и ограничения предлагаемых

¹ Настоящее исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-02-00422.

исследователями «синтетических» методологий: «институционального индивидуализма», модели «социоэкономического человека», «методологического релятивизма». Делается вывод об отсутствии на сегодняшний день удовлетворительных и внутренне непротиворечивых «синтетических» методологических схем, на основе которых можно было бы «развивать полезные социальные теории для работающих исследователей». Рассматриваются основания комплементарности методологического индивидуализма и холизма при проведении междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, холизм, ортодоксальная экономическая теория, гетеродоксная экономика

JEL: B50, B51, B52

Введение: роль методологических предпосылок в проведении междисциплинарных исследований

Развитие междисциплинарных исследований (в данной главе речь идет преимущественно об экономике и социологии), провоцируемое возрастающей сложностью современных обществ и увеличением совместных проектов представителей смежных наук, актуализирует методологическую работу. Дело в том, что прямое сопоставление и «суммирование» данных экономических и социологических дисциплин, которое может способствовать решению некоторых прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным. Процедуры «механического соединения» полученных разными науками результатов часто ведут не к познанию целостного феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных и эклектичных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей и, почти неизбежно, к теоретическому редукционизму.

Поэтому, с одной стороны, мы видим интенсивный процесс формирования новых «стыковых» наук, специальных дисциплин, реализующих в самом своем предмете необходимые «морфологизированные» мосты для осуществления междисциплинарного синтеза (Абульханова и др., 1996). Среди них «экономическая социология» (Parsons, Smelser, 1956; Заславская, Рывкина, 1991; Радаев, 1997), «социоэкономика» (Etzioni, 1988; Шабанова, 2013) и др. С другой стороны, все активнее звучат голоса о «размывании традиционных границ» между общественными дисциплинами, поскольку они имеют общие объект исследования и эмпирическую базу, а также единый аналитический аппарат. Поэтому, как предполагается, «созданы условия для формирования общего социального анализа как науки о функционировании и развитии общественных институтов и о поведении человеческих коллективов в рамках этих институтов» (Полтерович, 2011, с. 101).

В отличие от указанных направлений, в настоящей главе будут проанализированы методологические проблемы «классических» междисциплинарных исследований, в ходе которых «взаимодействуют представители разных дисциплин, изучая различные аспекты одного и того же объекта» (Новая философская энциклопедия, 2001, т. II, с. 518). В этом случае перед участниками стоит задача преодоления кантовского противоречия между строением общей социальной (в данном случае) реальности и науками, оперирующими отличающимися характерными для них базовыми допущениями, гипотезами и схемами интерпретации сведений об этой изучаемой реальности. Успешное решение указанной проблемы при проведении междисциплинарных исследований² предполагает такое описание изучаемого предмета, такое отражение в нем объекта исследования, чтобы его можно было изучать средствами всех участвующих дисциплин, а полученные результаты могли бы уточнять и совершенствовать исходное описание.

Накопленный практический опыт реализации крупных междисциплинарных проектов показал, что ключевую роль в них играет методологическое обеспечение, создание обобщенной предметной схемы, функционально аналогичной предметным конструкциям участвующих дисциплин. Формулировка и экспликация содержательных предпосылок, на основе которых происходит выбор направления научного поиска и в духе которых интерпретируются затем полученные результаты, имеют при этом главное значение.

Однако сложность экспликации исходных методологических предпосылок, требующая продвинутой научной рефлексии и одновременно глубоких теоретических знаний (т.е. способности оперировать широким набором теорий разной степени общности в отношении изучаемого предмета), приводят к тому, что необходимая методологическая работа при проведении междисциплинарных исследований зачастую не проводится. В этом случае происходит произвольное смещение практик и предпосылок вовлеченных в такое исследование дисциплин. Зачастую одна из дисциплин, «поставляющая» образец методологии, полагается ведущей, в то время как другие – ведомыми. Известным примером служит «экономический империализм», когда с 60-х гг. прошлого века стала активно происходить экспансия экономической теории (прежде всего неоклассического направления) и характерных для нее моделей и методов на смежные области общественнознания. Это привело к формированию новых направлений (от теории общественного выбора до теории человеческого капитала), по сути

² Междисциплинарные исследования следует отличать от работ, проводимых на основе *мультидисциплинарного подхода*: он основан на предпосылках обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве частей. При этом каждая из дисциплин сохраняет свою методологию и исходные предпосылки без изменения (Augsburg, 2005, p. 56).

экономических, где игнорировались подходы других социальных наук, традиционно занимавшихся изучением тех же процессов.

Если же исходить из того, чтобы при проведении междисциплинарного исследования сохранять и использовать богатство моделей и подходов каждой из наук, в рамках которых оно проводится, то задача становится более сложной. Согласованное направление научного поиска и совместная интерпретация результатов становятся возможными при опоре на близкие теоретические допущения и методологические предпосылки. Мы рассмотрим наиболее фундаментальные из них, определяющие специфику исследовательских подходов у экономистов и социологов – принцип методологического индивидуализма³ и принцип методологического холизма. Наши задачи состоят в следующем:

- понять, насколько справедливо рассмотрение методологического индивидуализма и холизма как альтернативных подходов в экономике и социологии (разделы 1 и 2),

- проанализировать содержание предлагаемых «синтетических» методологий, авторы которых ставят своей целью снятие свойственных каждому принципу ограничений (раздел 3),

- обсудить перспективы комплиментарности методологического индивидуализма и холизма при проведении междисциплинарных исследований в общественных науках (раздел 4).

В Заключении будут подведены основные итоги.

1. Индивидуализм и холизм в экономической теории

Опора на принцип методологического индивидуализма характеризует не все, но весьма многочисленные исследования, проводимые экономистами. Прежде всего к ним относятся работы в направлении так называемого экономического мейнстрима (*mainstream economics*)⁴, или неоклассической

³ Социологическая и экономическая теория, имеющие общие исторические корни и являясь разделами обществоведения, часто имеют дело с аналогичными методологическими проблемами, и принцип методологического индивидуализма иллюстрирует это наиболее отчетливо. Так, экономист Йозеф А. Шумпетер, являясь учеником социолога Макса Вебера, обозначил и применил в экономической теории подход своего учителя, известный сейчас как «методологический индивидуализм» (об этом см. Udehn, 2001, p. 214; Тамбовцев, 2008, с. 132). Именно социологу Веберу принадлежит приоритет в теоретической разработке этого принципа, и на него ссылался Шумпетер в своих работах.

⁴ *Mainstream economics* называют также ортодоксальной экономической теорией, т.е. доминирующей школой экономической мысли, которой сегодня является неоклассическое направление (Colander et al., 2004, p. 490). Отметим, однако, что не все поддерживают отождествление мейнстрима с неоклассикой, см. Тамбовцев, 2008, с. 131.

экономической теории⁵. Экономический мейнстрим представляет собой своего рода концептуальную популяцию экономистов-неоклассиков, объединенную общими идеалами и нормами экономических исследований. Единство обеспечивается, прежде всего, общностью исходных предпосылок экономического анализа⁶, среди которых принцип методологического индивидуализма играет ведущую роль.

Хотя ученые, посвятившие специальные монографии анализу методологического индивидуализма, скептически относятся к тому, чтобы достичь окончательной договоренности по поводу его содержания (Udehn, 2001), необходимо ввести хотя бы рабочее определение. Обобщая многие подходы, можно заметить, что методологический индивидуализм «предполагает **объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения**». Именно это, по определению Стивена Люкеса, составляет содержание принципа методологического индивидуализма (Lukes, 1973. Цит. по: Ходжсон, 2003, р. 98). Хотя индивидуализм не представляет собой «апологию эгоизма», тем не менее, согласно данному принципу, все экономические феномены анализируются «через призму» индивидуальных действий экономических субъектов.

Схожие определения приводят и многие другие авторы (Л. Лахманн, Дж. Элстер, М. Аоки и др.), которых цитирует в своей работе авторитетный методолог экономической науки из Великобритании Джеффри Ходжсон (Hodgson, 2007, р. 98-99). Экономический субъект - таковым может полагаться как индивид, так фирма и даже государство - служит главной отправной точкой теоретического анализа (Шаститко, 2002, с. 36). Все они рассматриваются в качестве субъектов, которые ориентированы на получение более выгодных преимуществ (неоинституционалисты включают в них и социальные нормы/правила) вследствие конкуренции в условиях существования определенных издержек (неоинституционалисты включают в них также издержки согласования). Поэтому принцип методологического индивидуализма отождествляется с «парадигмой капитализма», когда общество трактуется как рынок, где индивиды принимают решения по

⁵ Сравнительный анализ использования принципа методологического индивидуализма в разных школах экономической мысли и в основных исследовательских парадигмах см. Кирдина, 2013б, 2013в.

⁶ Помимо методологического индивидуализма, набор исходных предпосылок включает в себя представление о рациональном (ограниченно рациональном) экономическом агенте с наличием устойчивых предпочтений; принцип максимизации, определяющий экономическое поведение агентов рынка в соответствии с категорией субъективной полезности; наличие конкуренции (разного вида) между агентами; возможность достижения рыночного равновесия, связываемая с ростом предельных издержек по мере постепенного увеличения выпуска. В последние годы к ним добавляются также аксиомы о полной информированности субъектов рынка; трактовка их как «представительных агентов»; общие рыночные законы мотивации (Ольсевич, 2013, с. 11) и др.

максимизации личного дохода и минимизации собственных издержек, способствуя тем самым росту общего благосостояния (Bernard, 1973, p.16).

При этом разные исследователи вменяют экономическому субъекту те или иные особенности, которые объясняют его поведение на рынке – от стремления к удовольствию в концепции *pleasure machine* Френсиса Эджуорта (Edgeworth, 1881) до наличия денежных иллюзий (Дж. М. Кейнс) или макрорациональных ожиданий по мнению Р. Лукаса, Т. Сарджента и Н. Уоллеса (Худокормов, 2009, с. 182).

В неоклассике принцип методологического индивидуализма служит основой анализа экономических процессов не только на микро-, но и на макроуровне. В 1970-е гг. Эдмунд Фелпс, а также Джордж Акерлоф призвали «ввести индивидов в экономические макромоделю» (Худокормов, 2009, с. 46), полагая, что макроэкономика, вслед за микроэкономикой, должна быть основана на «поведенческих соображениях». Тем самым предполагается, что социальные события не только на микро-, но и на макроуровне, такие как инфляция, безработица, организационные изменения, эволюция культурных норм и др., могут быть объяснены в терминах индивидуальных действий (Toboso, 2001, p. 670).

В этом случае изучаются законы поведения индивидуальных экономических агентов – домохозяйств и фирм, а затем происходит отождествление законов коллективного поведения с законами индивидуального поведения. Такой основанный на методологическом индивидуализме «подход к экономическим проблемам посредством изучения определенных агрегированных процессов» (Heilbroner, 1970, p. 21), когда «макроэкономическая динамика получается из простого агрегирования индивидуальных действий» (Дози, 2012, с. 52), а макроэкономическое развитие выводят из поведения микроэкономических единиц (Ackley, 1968, с. 570; Campagna, 1981, p. 5-7), продолжает доминировать в сознании современных ортодоксальных макро-экономистов.

Система постулатов ортодоксальной экономики, основанная на принципе методологического индивидуализма, берет начало от известного труда «Принципы экономической науки» Альфреда Маршалла (Marshall, 1890). С середины XX века она представляет собой уже согласованный набор постулатов, разделяемый большинством экономистов-неоклассиков. К этому времени исследуемый нами принцип «методологического индивидуализма» терминологически был введен в программу экономических исследований Й. А. Шумпетером, который «дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников» (Допфер, 2008, с. 112). Базирующаяся на принципе методологического индивидуализма система постулатов сохраняет свою устойчивость, и пока не сложилось альтернативного сравнимого по популярности и проработанности направления экономического знания, базирующегося на иных

методологических предпосылках.

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по Лавоие (Lavoie, 1992), ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность нескольких поколений экономистов принципу методологического индивидуализма объясняет возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом.

Так, в свое время Дж. М. Кейнс (Кейнс, 2012 [1936]) показал, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью и невозможностью установления рыночного равновесия, как в силу неопределенности соотношения сбережений и инвестиций, так и невозможности достижения полной занятости. Его выводы о том, что государственные расходы и «социализированные» инвестиции следует рассматривать как эндогенные экономические переменные, представлялись сначала как «кейнсианская революция». Но впоследствии идеи Кейнса были использованы для уточнения условий рыночного равновесия: Джон Хикс и Поль Самуэльсон адаптировали идеи Кейнса для неоклассической теории (Дзарасов, 2004, с. 37), осуществив так называемый «неоклассический синтез». Возможность и правомерность такого синтеза обусловлены тем, что Кейнс также моделировал экономику индивидов, максимизирующих свою полезность, для чего дополнительно ввел соответствующие функции потребления и инвестиций. Другими словами, он также рассматривал экономику с позиций методологического индивидуализма, что позволило соединить его идеи с неоклассикой.

То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива традиционной неоклассической микротeorии и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения *behavioral economics* в состав «основного ядра» экономической теории Запада» (Худокормов, 2009, с. 38). Это также связано с сохранением приверженности ее сторонников принципу методологического индивидуализма.

Аналогичная ситуация характеризует неоинституциональную экономическую теорию, которая, хотя и декларирует выход за пределы неоклассики, но в значительной степени опирается на ее базовые постулаты и «осталась в рамках ее парадигмы» (Нестеренко, 2002, с. 11). Как отмечал Марк Блауг, «школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» (1994, с. 958). Оливер Уильямсон в 2000 г. высказался еще более определенно: «институциональная экономика инкорпорирована в ортодоксию» (Williamson, 2000, p. 596). Российские исследователи также отмечают, что «новая институциональная экономика представляет собой применение экономических (неоклассических) методов анализа к явлениям, традиционно не входившим в предмет исследования экономической науки:

организационным и правовым рамкам экономической деятельности» (Автономов, 2010, с. 175). Поэтому «методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории» (Keizer, 2007, p. 5). Как отмечает О.И. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Дуглас Норт пишет о том, что экономика «отказывается от изучения того *контекста* (курсив наш – К., П.), в котором делается выбор» (Ананьин, 2013, с. 34), концентрируясь собственно на экономическом поведении. Поэтому трудно не согласиться с тем, что «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему социальному смыслу выводов неонституционализм продолжает – в преобразованном, модифицированном виде – линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики» (Худокормов, 2007, с. 653-687; 2009, с. 194).

В данном случае сохраняет свою актуальность замечание Джона Коммонса о том, что, несмотря на разнообразные теоретические новации, по сути анализируется «экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы ... под термином «несовершенная конкуренция», «монополистическая конкуренция», «конкурентная монополия». Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода ...» (Коммонс, 2007 [1936], с. 60), базирующейся на принципе методологического индивидуализма.

Очередной «новый неоклассический синтез» зафиксирован совсем недавно (Woodford, 2009). Отмечается, что в рамках мейнстрима удалось соединить уже не только неоклассическую модель общего рыночного равновесия и кейнсианскую макроэконометрическую стохастическую модель, но дополнить его теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции (Ольсевич, 2013, с. 20-21). Как и на предыдущих этапах, возможность очередного синтеза обусловлена общностью базовых предпосылок популяции экономистов, объединенных общими идеалами и нормами экономических исследований, сконцентрированных вокруг принципа методологического индивидуализма.

В работах экономистов, неудовлетворенных возможностями опирающегося на него неоклассического анализа, декларируется целесообразность альтернативного принципа методологического холизма. В этом случае речь идет, как полагают его сторонники, о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы образующих его индивидов.

Поскольку динамическая целостность экономической системы обеспечивается структурами действующих в ней институтов, то неслучайно, что впервые термин *холизм* стал применяться представителями институциональной экономической теории, точнее, традиционного, или оригинального институционализма (*original institutionalism*). Пионером в

использовании термина *холизм* был Аллэн Грочи (Allan Gruchy), употребивший его в 1947 г. (см. Toboso, 2001, p. 768).

С тех пор в экономической теории не прекращаются дебаты между сторонниками методологического индивидуализма и методологического холизма в отношении того, какой из принципов более релевантен для экономического анализа. Это показал Фернандо Тобозо, ссылаясь, прежде всего, на работы Малкольма Разерфорда, сторонника методологического холизма (Rutherford, 1989), и Ричарда Ланглуа (Langlois, 1989), его теоретического оппонента (Toboso, 2008, p. 5). Обобщая результаты теоретических дискуссий европейских и североамериканских ученых (среди них Seckler, 1981; Coase, 1984; Dugger, 1990; Furubotn, 1993; Maki, 1993 и др.), Тобозо отмечает, что представители новой институциональной теории (продолжающей неоклассику) опираются преимущественно на принцип методологического индивидуализма, в то время как сторонники традиционного институционализма (относимого к гетеродоксной экономике⁷), используют обычно холистический подход.

Тобозо (Toboso, 2001, pp. 767-770) обращает внимание на следующие версии методологического холизма. Первая связана с социологической дюркгеймовской позитивной теорией и ее экономическими интерпретациями. Сторонников этой версии объединяет признание того, что действия индивидов могут быть правильно и должным образом объяснены только при рассмотрении их как элементов другого объекта (целого) и позиций, которые они в нем занимают (Wilber, Harrison, 1978; Rutherford, 1994). Поэтому при анализе человеческих действий надо обращать внимание на те *объекты*, частью которых они являются (группы, ассоциации, партии, корпорации, государство и др.), существовавшие до них и определяющие тот набор ограничений, с которыми индивидам приходится сталкиваться.

Вторая версия методологического холизма связана с признанием наличия коллективного субъекта, который обладает системной силой, в отношении которой трудно определить персональную ответственность. Поэтому при анализе происходящих в экономике изменений необходимо выявлять эти системные «неперсональные» силы, которые оказывают влияние на происходящие в экономике процессы. Такая трактовка холизма характерна, на наш взгляд, для экономистов, исследующих феномен общественного интереса, обусловленного наличием общественных потребностей. Анализ данной позиции представлен в недавней работе А.Я. Рубинштейна (Рубинштейн, 2013), где он приводит следующие классические

⁷ Противостоящая мейнстриму гетеродоксная экономика включает направления, «не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии» (Dequech, 2007, p. 295). Общим для гетеродоксной экономики является явно или неявно разделяемый «взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную (Lawson, 2006, p. 497).

определения общественных потребностей. Во-первых, им отмечена позиция Альберта Шэффле, указавшего на наличие общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» (Schaffle, 1873, s.113). Во-вторых, приведено высказывание Карла Менгера о том, что «...не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития – это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов, и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» (Menger, 1923, s. 8). Как видим, холизм здесь связывается с рассмотрением общества как коллективного субъекта с неперсонифицируемой ответственностью в отношении удовлетворения «общих потребностей».

Следует отметить, что среди сторонников методологического холизма нет полной ясности по поводу того, что значит объяснение в терминах холистического подхода (Toboso, 2001, p. 760). По мнению Разерфорда (Rutherford, 1994), основные различия связаны с тем, в какой мере ими признается роль и сила социального целого, влияющего на поведение индивидов⁸.

Между сторонниками индивидуализма (неоклассиками) и холизма (как правило, гетеродоксами) в современной экономической теории продолжается конкуренция за «истинность» получаемого знания. Она выражается в постоянной критике представителей экономического мейнстрима, которые, однако, по-прежнему успешно защищают свои позиции. Основными их аргументами является наличие объяснительных математически обоснованных моделей, имеющих практическое применение, в противовес хотя и содержательным, но слабо формализованным схемам понимания экономической реальности у гетеродоксальных экономистов.

2. Индивидуализм и холизм в социологии

Методологический индивидуализм в социологии, более близко стоящей к философии, чем экономика, отчетливо ассоциируется с гносеологической предпосылкой редукционизма. Он допускает, что социальная реальность описывается и выясняется посредством редукции всей ее сложности до уровня анализа поведения индивида.

Истоки методологического индивидуализма в социологии своими корнями уходят в период возникновения либерального социального порядка с его акцентированием ценности свободы личности, что в свою очередь связано с периодом преодоления традиционного, аграрного, феодального

⁸ Нельзя не заметить, что при так понимаемом холистическом подходе поведение индивида (а именно «коллективного индивида») продолжает оставаться основным предметом экономического анализа. Поэтому более точной версией методологического холизма, по мнению одного из авторов главы, представляется так называемый *методологический институционализм* (Кирдина, 2013, 2013а).

общества и с возникновением капитализма. В социологической дисциплине, находившейся в тот период в стадии своего становления, общепризнанным выразителем принципа методологического индивидуализма стал немецкий социолог Макс Вебер (1864-1920), положивший его в основу своих основных работ, и, прежде всего, «Протестантской этики и духа капитализма» (1905). Вебер утверждал, что все социологические объяснения остаются объяснениями кажущимися так долго, как долго мы не в состоянии ответить, почему индивиды действуют так, как действуют. Это они создают всевозможные коллективные «органы», поэтому главным предметом, интересовавшим Вебера, были действия индивидов. При этом речь идет не о любом действии, но о действии важном. Он отмечал принципиальную разницу между таким действием, которое он называл социальным действием, и действием бессознательным, автоматическим (Weber, 2002, s. 6). В рамках категории социального действия М. Вебера, последнее также рассматривается с позиций методологического индивидуализма, который, однако, отличается от методологического индивидуализма, принятого в экономической теории. Социологический индивидуализм - явление другого порядка. Индивид рассматривается здесь в совокупности своих социальных связей и включенности в разнородные социальные структуры. Социологический индивидуализм, таким образом, в значительной степени относителен. Тем не менее, веберовский подход и его современные вариации в социологии называют индивидуализмом, в противовес холизму Эмиля Дюркгейма и его последователей (Радаев, 2005, с. 19-20).

Несмотря на популярность в социологии исследований на основе принципа методологического индивидуализма, они распространены в ней, по сравнению с экономикой, в гораздо меньшей степени. Уже в период становления социологии была осознана недостаточность опоры на принцип методологического индивидуализма для понимания закономерностей социальных процессов. Один из основоположников социологии французский философ Э. Дюркгейм еще в конце XIX в. писал о том, что общество есть реальность *sui generis* («как она есть»), которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов (Дюркгейм, 1995), что закрепляет за ним первенство в формулировке теоретической предпосылки о «методологическом коллективизме», или «холизме». Именно ему, прежде всего, противостоял его современник и теоретический оппонент Макс Вебер, наиболее известный приверженец методологического индивидуализма.

С тех пор дискуссия между представителями холистического подхода с требованием «рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям», и сторонниками методологического индивидуализма «с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов», не

прекращается, и она известна экономистам (Рубинштейн, 2008, с. 16)⁹.

Поскольку принцип методологического индивидуализма не является в социологии столь тотальным, как в современном экономическом мейнстриме, а социологическое образование и квалификация к тому же априори предполагают глубокое знание предпосылок и перспектив холистического подхода, социологи способны к более тщательному и фундаментальному, по сравнению с экономистами, анализу дискуссий вокруг принципа методологического индивидуализма. Они внимательны к тем ограничениям, которые не удается преодолеть экономистам, декларирующим переход «от индивидуализма к холизму», от рассмотрения отдельного человека к анализу условий его существования и обществу в целом.

Так, российский эконом-социолог В. В. Радаев отмечает, что в большинстве современных течений экономической теории, при множестве отступлений от исходной модели и разносторонней критике «экономического человека», все же сохраняется доминирование усредненного подход к человеку, действия которого заданы сетью безличных обменных или контрактных отношений. В конечном счете, социальные институты выводятся из некой «натуры человека», или из того, что Фрэнк Найт называл «человеческой природой, как она нам известна». В рассмотрении этой человеческой природы ударение делается, как правило, на индивидуально-психологические факторы (Альфред Маршалл даже объявлял экономическую теорию "психологической наукой"). При этом действия, подчиненные складывающимся социальным нормам, остаются на обочине без особого внимания к ним (Радаев, 2005, с. 36). По этому же поводу современный американский социолог Пол ДиМаджио замечает, что «сталкиваясь с аномалиями в процессе принятия людьми решений, экономисты предпочитают когнитивную психологию культурной антропологии» (ДиМаджио, 2004, с. 475). Наконец, несмотря на возникающий порою интерес к историческим проблемам, большинство экономистов остаются на принципиально внеисторических позициях. Никто особенно не возражает против того, чтобы учитывать факт развития. Но многие вслед за К. Менгером считают это требование банальностью, полагая, что исторические формы и так даны нам сегодня в своем снятом виде. Фактически в качестве универсальной предпосылки берется

⁹ Первой в истории социологии версией старого и продолжающегося по сей день спора между социологизмом и психологизмом, холизмом и редукционизмом, социологическим реализмом и номинализмом, по мнению известного польского социолога Е. Шацкого, была дискуссия между Дж. С. Миллем и О. Контом (Szacki, 2005, s. 267). Милль был последовательным методологическим индивидуалистом (социологическим номиналистом), в отличие от основателя социологии Конта. Последний придерживался социологического реализма (методологического коллективизма), утверждая, что субъект в отрыве от общества является метафизической абстракцией.

частнокапиталистический порядок, который "опрокидывается" и на более ранние исторические периоды (Радаев, 2005, с. 36).

В современной социологии исследования на основе методологического индивидуализма и методологического холизма не находятся в столь явной оппозиции, как в современной экономической теории. Они формируют два не столько противостоящих, сколько дополняющих друг друга кластера исследований, позволяющих с необходимой полнотой отражать свойства наблюдаемой социальной реальности. Опора на тот или иной принцип позволяет исследователям концентрироваться на разных ее сторонах и особенностях. Это проявляется, например, в том, как ученые, работая в одних и тех же предметных областях, по-разному определяют изучаемый предмет. Такая ситуация, в частности, имеет место в российской экономической социологии - отрасли социологического знания, которая начала развиваться в России в 1990-е гг. Так, В. В. Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета новой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека (Радаев, 1997, с. 158-159). Это вполне соответствует опоре на принцип методологического индивидуализма. В рамках Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы (Бессонова, 1998, с.11), что характерно для холистического подхода в духе дюркгеймовской традиции. В результате современное социологическое знание обогащается вкладом ученых, с разных сторон подходящих к исследованию актуальных российских социально-экономических проблем.

3. «Синтетические» подходы в общественных науках

Для междисциплинарных исследований формирование общей методологической схемы имеет, как уже было отмечено, решающее значение. Поэтому особое внимание мы уделяем рассмотрению и анализу попыток построения разнообразных «синтетических» подходов, снимающих, по мнению их авторов, противоречия и ограничения принципов индивидуализма и холизма. Такие подходы, как представляется, могли бы стать подходящей методологической основой для междисциплинарных проектов, в которых участвуют социологи и экономисты. Здесь мы последовательно рассмотрим примеры «синтетических», или интегративных подходов в социологии и экономике.

3.1. Деятельностно-активистская (интегративная) парадигма в социологии

Долгие годы социологи полагали, что попытки интеграции холистического и индивидуалистского подходов безрезультатны. Как отмечала Маргарет Арчер (Великобритания), работавшие в этом направлении

ученые рано или поздно «теряли присутствие духа и спешили укрыться: одни - в стане индивидуализма, другие - холизма» (Арчер, 1999). С одной стороны, она приводит в пример пытавшегося это сделать У. Бакли (Buckley, 1967), который в конце концов отказался от анализа социальных структур как «абстрактных конструкторов», оставшись на позициях методологического индивидуализма. С другой стороны, показателен пример П. Блау (Blau, 1964), который, вопреки задачам взаимосвязанного анализа, наоборот, оказался, по мнению Арчер, в плену холистского подхода. Поэтому она утверждала, что до начала 1980-х гг. в социологии «никому еще не удавалось пройти между Сциллой индивидуализма и Харибдой холизма».

Однако в 1980-90-е гг. вновь предпринимаются «одиссеевы» попытки социологов в этом направлении, связанные с конструированием «интегративных социологических парадигм» (так их определяли Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Ф. Девятко и др.). Известный российский социолог В. А. Ядов обозначает попытки построения таких объединяющих подходов термином "деятельностно-активистская парадигма". К ее сторонникам, помимо упомянутых авторов, он относит Маргарет Арчер, Энтони Гидденса, Пьера Бурдьё, Петера Штомпку, Питера Бергера и Томаса Лукмана, Роя Бхаскара и др. (Ядов, 1999). Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда исследователей, мог бы стать «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия 'структуры' и 'агента'» (Ситнова, 2012, с. 65).

Насколько удалось разработкам в области активистско-деятельностной парадигмы преодолеть альтернативность каждого из исследуемых нами подходов – индивидуалистического и холистического? Можно ли в данном случае действительно говорить о «синтезе микро- и макросоциологических подходов, ... сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них» (Рубинштейн, 2012, с. 16)?

Мы полагаем, что внимательное прочтение работ отмеченных выше авторов не дает для этого достаточных оснований. Так, анализируя во многом схожие подходы ученых из Великобритании Гидденса (Giddens, 1984, 2001) и Бхаскара (Bhaskar, 1979, 1989; Бхаскар, 1991), методологи социологической науки отмечают следующее. Определение структуры у Гидденса в его структурационной теории лишает структуру ее автономных свойств (тем самым автор «уходит» с позиций методологического холизма), и фокусом его анализа становится рассмотрение действий социальных субъектов. Фактически Гидденс подходит к анализу системы с позиций микросоциологического подхода и базирует свои исследования на привычном для себя принципе методологического индивидуализма.

Аналогичные выводы сделаны и в отношении теоретических построений Бхаскара. С одной стороны, в популярных социологических изданиях и словарях, представленных в интернете, полагают, что его

«социология отношений совместима и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями»¹⁰. Действительно, может показаться, что Бхаскар, например, присоединяется к позиции Дюркгейма (Шкаратан, 2012, с. 19), когда пишет: «Люди не создают общество, поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» (Bhaskar, 1989, p.36). Но так ли это? Один из важнейших тезисов социологии отношений Бхаскара заключается в том, что социальные структуры «в отличие от природных механизмов... существуют только благодаря деятельности, которой они управляют, и не могут быть охарактеризованы независимо от нее» (Bhaskar, 1989, p. 78). И хотя «социальные структуры существуют материально, но переносятся из одного пространственно-временного местоположения в другое только благодаря человеческой практике» (Bhaskar, 1979, p. 174)¹¹. Но этот вполне разумный тезис, согласно Теду Бентону, означает приговор всей объединительной программе Бхаскара, который «в своей трактовке социальных структур, в конечном счете, лишает их независимого статуса причиняющих сил, а, следовательно, статуса реальностей *sui generis*. Бхаскар, похоже, привержен одному из вариантов индивидуализма в социальной теории» (Benton, 1981, p.17). Поэтому якобы имеющий место синтез двух основополагающих социологических подходов (индивидуализма и холизма) в этих концепциях продолжает «оставаться проблематичным» (Громов и др., 1996).

В качестве проекта, демонстрирующего сочетание методологического индивидуализма и методологического холизма, рассматривали также теорию генетического структурализма французского социолога Пьера Бурдьё (История... , 2000, с. 386-403). У Бурдьё социальная действительность рассматривается как структурированная дважды: во-первых, существующими объективно, то есть независимо от сознания и воли людей социальными отношениями, и, во-вторых, практиками агентов (их практическими схемами). Диалектика между структурами и действиями эквивалентна диалектике объективных и инкорпорированных (агентами) структур.

Ключевое понятие концепции Бурдьё - габитус, который включает в себя инкорпорированные, интериоризированные агентами социальные отношения - диспозиции, социальные представления, практические схемы мышления и действия, которые служат составными частями габитуса. Он является и результатом интериоризации¹² (объективных) социальных отношений, и необходимым субъективным условием практик агентов. Таким

¹⁰ См., например, enc-dic.com/sociology/Bhaskar--Roj-707.html

¹¹ Здесь его позиция по сути совпадает с точкой зрения Гидденса.

¹² Интериоризация - формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности. Соответственно экстериоризация - процесс превращения внутреннего психического действия во внешнее действие.

образом, габитус выполняет роль своеобразного посредника между социальными отношениями и агентом, выступая одновременно и в роли механизма порождающий практики. Итак, особенность габитуса заключается в том, что он, с одной стороны, есть продукт интериоризации объективных социальных структур, то есть воспроизводства внешних социальных структур под видом внутренних структур личности, а с другой, - необходимое индивидуальное условие их экстериоризации, то есть реализации в практической деятельности агентов (Павленко, 2008, с. 8-11).

Однако, несмотря на эвристическое значение концепции Бурдьё, его аргументация в пользу того, что удалось найти «средний пункт между действием и структурой», не признана убедительной в социологическом сообществе (Большой толковый социологический словарь, 1999).

Как справедливо пишет Гёран Терборн, с первых лет своего существования социология пытается объяснить две важнейшие группы феноменов — *человеческое социальное действие и результаты человеческого социального действия*. Соответственно, социологи выясняют либо то, почему люди действуют именно таким образом в социальных отношениях, либо исследуют совокупность явлений, которые можно обозначить как «результаты» человеческого социального действия (Therborn, 1991). Поэтому все разнообразие социологических объяснений располагается между двух полюсов и соответствующих им методологических принципов – либо индивидуализма, либо холизма. Даже в первом выдающемся «неоклассическом синтезе социологии», который Терборн связывает с работой Толкотта Парсонса «Структура социального действия» (Parsons, 1937), великий американский социолог, тем не менее, хотя и установил данную «систему координат», сосредоточил свое внимание лишь на одной из точек этой системы, а именно, на ценностях и нормах действующих социальных акторов (Терборн, 1999).

Хотя дискуссии относительно перспектив «синтетических» подходов в социологии продолжают, достаточно убедительных примеров их построения, на наш взгляд, пока нет.

3.2. «Синтетические» подходы в экономике: «институциональный индивидуализм», модель «социоэкономического человека», «методологический релятивизм»

В экономике также продолжают дебаты по поводу соотношения индивидуалистического и холистического подходов. Одним из результатов стало очевидное признание того, что оба подхода не являются достаточно удовлетворительными. В связи с этим декларируется целесообразность некоего третьего пути (*middle way*), но консенсуса в этом направлении до сих пор не достигнуто. Наиболее известной в зарубежной научной литературе попыткой найти третий, «срединный путь» в экономическом анализе, прежде всего для изучения институциональных изменений,

является формулировка так называемого принципа «институционального индивидуализма».

Одним из первых о таком подходе, как институциональный индивидуализм (*institutional individualism*), заявил Йозеф Агасси, указав, что поведение индивидов определяется не только их целями, но и институтами, которые образуют часть тех обстоятельств, в которых индивиды действуют (Agassi, 1960, p. 247). Ларс Уден отмечает, однако, что в работе 1960 г. Агасси рассматривал институциональный индивидуализм лишь как новую версию методологического индивидуализма (Udehn, 2002, p. 489), от чего позже отказался (Agassi, 1975). Однако Ян Жарви, принявший институциональный индивидуализм Агасси (Jarvie, 1972), продолжал называть его методологическим индивидуализмом (Udehn, 2002, p. 489).

Тем не менее, Уден полагает, что существует важное отличие между этими двумя принципами. Так, с позиций методологического индивидуализма социальные институты объясняются как результат поведения людей. При институциональном индивидуализме, напротив, институты выступают в качестве причины объяснения поведения людей. Однако это является характеристикой холистического подхода, поэтому не может быть сведено к принципу методологического индивидуализма (*Ibid*). В связи с этим для такого анализа целесообразен новый термин «институциональный индивидуализм». Уден отмечает, что данной стратегии (наряду с методологическим индивидуализмом) придерживались Джеймс Бьюкенен, Рональд Коуз, Дуглас Норт и Оливер Уильямсон (*Ibid*, p. 490).

Дальнейший анализ принципа институционального индивидуализма представлен в работах итальянского ученого Фернандо Тобозо (Toboso, 1995, 2001, 2008). Он рассматривает его как срединный путь (*middle way*) между методологическим индивидуализмом и холизмом, как способ не-системного и не-редукционистского объяснения. Институциональный индивидуализм, как он полагает, позволяет ввести в экономические теории и модели институциональные аспекты человеческих взаимодействий, происходят ли они внутри стабильных структур, легальных правил и социальных норм, или они пытаются изменить эти правила и нормы (Toboso, 2001, p. 766).

Особенность подхода Тобозо состоит в том, что для него пропагандируемый им институциональный индивидуализм не является частью *жесткого ядра* базовых предпосылок (*hard core assumptions*), а лишь аналитической программой, способом анализа. Его могут осуществлять как «традиционные институционалисты» с их холистическим подходом, так и новые институционалисты с их редукционистским методологическим индивидуализмом - и те и другие могут оставаться в русле основных предпосылок соответствующей школы. Поэтому, например, введение институционального индивидуализма не ведет к конвергенции традиционного и нового институционализма.

По мнению Тобозо, главной особенностью институционального индивидуализма является объяснение *человеческого поведения* [курсив наш – К., П.) не как основанного на предпосылках о рациональности, но как ‘non-calculated behavior’ (Ibid, p. 671), т.е. поведения, определяемого нормами и правилами. Можно сказать, что предлагается использовать не модель *homo economicus*, но модель *homo institutus*. Ссылаясь на Агасси (Agassi, 1975), Тобозо поясняет, что подход с позиций институционального индивидуализма предполагает изучение роли социальных и институциональных факторов при изучении человеческих взаимодействий и их последствий. Другими словами, институциональные факторы привлекаются как объясняющие переменные.

Тобозо вводит следующие три предпосылки, каждая из которых является «составной частью» подхода институционального индивидуализма (Toboso, 2002, p. 677):

- 1) Только субъекты могут преследовать свои цели и продвигать интересы – эта предпосылка обособляет его от методологического холизма. Она означает, что нет никакого внеперсонального системного фактора, обладающего собственной динамикой. Хотя институты и существуют, но в дискурсивную модель они включаются только при соблюдении (Тобозо пишет «при диктате») всех трех предпосылок;
- 2) Формальные и неформальные наборы институциональных правил, влияющие на взаимодействия между субъектами, являются частью объясняющих переменных – это предпосылка отличает институциональный индивидуализм от методологического индивидуализма;
- 3) Существенные институциональные изменения всегда являются результатом независимых или коллективных действий некоторых субъектов и всегда осуществляются внутри широких институциональных рамок.

Следует также отметить указание Тобозо на то, что институциональный индивидуализм как тип объяснения (анализа) чаще используется в прикладных работах, докладах и изданиях, чем в теоретических трудах. Тем не менее, он приводит некоторые примеры такого типа анализа в работах традиционных (Schmid, 1987) и новых (North, 1993) институционалистов.

Суммируя взгляды сторонников институционального индивидуализма, мы видим, что он не предлагается в качестве специфической базовой предпосылки новой теоретической методологии. Взгляд исследователей по-прежнему фокусируется на анализе человеческих взаимодействий и фигуре экономического субъекта, хотя круг условий, оказывающих на них влияние, расширяется за счет включения институтов. Речь идет, по сути, лишь о более мягком варианте принципа методологического индивидуализма, когда

микро- и «макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов» (Полтерович, 2011, с. 107), или о его расширенной версии, по-прежнему сохраняющей «объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения».

Следует также еще раз сказать о попытках построения моделей «социоэкономического», или социологического человека, неоднократно предпринимавшиеся в экономической теории (см., например, модели «социологического человека» голландского профессора С. Линденберга¹³ или польского ученого В. Моравского)¹⁴. Можно согласиться с тем, что данные модели помогают убрать «китайскую стену» между двумя концептуальными подходами: методологическим индивидуализмом и холизмом. Однако они не означают построения «синтетической методологии», опирающейся одновременно на оба указанных принципа (подробнее см. Павленко, 2014).

Задачу формирования экономической методологии с использованием более общих предпосылок, чем опора лишь на принцип методологического индивидуализма, ставит также перед собой российский исследователь А.Я. Рубинштейн. Он пишет об этом следующим образом: «Оставаясь приверженцем методологического субъективизма и давним критиком «шаблонного методологического индивидуализма» (Де Сото, 2009, с. 3), я исхожу из целесообразности его замены более общим онтологическим принципом, используемым в ряде научных дисциплин, в том числе в лингвистике, социологии и философии. Речь идет о некотором синтезе индивидуализма и холизма – о «методологическом релятивизме» (Лещак, 2002, с.38-42)» (Рубинштейн, 2013, с. 5).

Раскрывая содержание методологического релятивизма, Рубинштейн отмечает, что следование этому принципу допускает объяснение поведения индивидуума не только чисто экономическими мотивами, но и «макросоциологическими переменными» (там же). Кроме того, он вводит принцип гетерогенности экономических субъектов, выделяя, по крайней мере, «две основные группы - «индивидуумов», генерирующих общественный интерес посредством рыночного механизма, и «политиков», кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии» (там же, с. 28). Интересы этих групп формируются в различных институциональных средах, они *несводимы* друг к другу и *дополняют* друг друга. При этом интерес политиков, трактуемый как

¹³ Модель «человек социализированный, исполняющий роли, поведение которого санкционировано обществом» (Socialized, Role-Playing, Sanctioned Man, или модель SRSM) или модель «человек, имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий» (Opinionated, Sensitive, Acting Man, или модель OSAM), рассмотренные в Lindenberg, 1985, p. 99-113.

¹⁴ См. сравнение модели экономического и социологического человека в Morawski, 2001, s. 33.

общественный интерес, автор, вслед за Р. Масгрейвом, рассматривает как результат «передачи в политический траст» индивидуальных предпочтений. Голосуя на выборах за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают ему право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения (Рубинштейн, 2009).

Таким образом автор отстаивает принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы, что связывается с существованием двух, несводимых другу к другу, ветвей формирования общественного интереса: рыночной и политической (Рубинштейн, 2013, с. 39).

Тем не менее, пока остается не до конца ясным, каким образом осуществляется синтез принципов индивидуализма и холизма, к которому стремится автор. Можно видеть, что, выбирая конкретные способы анализа, он чаще опирается на принцип методологического индивидуализма в его общепринятой трактовке. Так, выделяя политические структуры (генерирующие общественный интерес) в качестве объекта исследования, например, парламент, Рубинштейн определяет его «как совокупность «аутентичных советников» крупных и мелких политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей» (там же, с. 36), а не как обезличенные структуры, развивающиеся по собственным законам, что характерно для холистического подхода.

Подытоживая попытки построения экономистами «синтетических подходов», преодолевающих ограничения методологического индивидуализма, можно видеть, что, как и в социологии, поставленные задачи ими пока еще не решены

4. Комплементарность принципов методологического индивидуализма и холизма в междисциплинарных исследованиях

Анализ многолетних дискуссий между сторонниками двух принципиальных подходов и неудовлетворительность результатами их «синтеза» в экономике социологии позволяет предположить, что в данном случае имеет место комплементарность, дополнительность подходов, базирующихся на принципах индивидуализма и холизма, когда знания об обществе получаются в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, – что не снимает возможности использования либо того, либо другого при решении разных исследовательских задач.

Действительно, объектом междисциплинарных исследований, проводимых экономистами и социологами, является общественная жизнь с присущей ей двойственностью, выражающейся в том, что социальные

структуры, с одной стороны, и социальная деятельность и поведение, с другой стороны, являются равнозначными и дополняющими друг друга ее элементами. Для их анализа исследовательская практика выработала аналитические приемы, опирающиеся, соответственно, на два альтернативных методологических принципа – холизма и индивидуализма, соответственно.

При этом не следует забывать о категории времени, о временном измерении социально-экономической жизни. Структуры по времени предшествуют социальной деятельности. А если в результате деятельности (у которой есть свои внутренние закономерности) возникает структура, то ею уже определяется последующая деятельность. Структура и деятельность часто или обычно «не синхронны», а, следовательно, как полагает М. Арчер, аналитический дуализм становится логически необходимым (Арчер, 1994, 1999; Archer, 1995, 1998, 2003). Аналитический дуализм становится делом «теоретической необходимости, если мы хотим четко зафиксировать процессы, способные объяснить определенные социальные изменения, т. е. если мы хотим развивать полезные социальные теории для работающих исследователей» (Арчер, 1999).

Уточнения Арчер в связи с применением разрабатываемого ею морфостатического-морфогенетического подхода и констатацией аналитического дуализма (с одной стороны, структура с необходимостью предшествует по времени действиям, трансформирующим ее, а, с другой стороны, разработка структуры с необходимостью оказывается по времени более поздней, чем действия, трансформировавшие ее) обосновывают основания комплиментарности методологического индивидуализма и холизма. Они используются на разных стадиях социологического (и экономического) анализа – принцип холизма адекватен при анализе структуры на стадии морфостаза, а принцип индивидуализма - на стадии ее изменения, или морфогенезиса.

Таким образом, исследования, в том числе и междисциплинарные, позволяют получить два не тождественных описания, сделанные с двух разных точек зрения: одно будет включать элементы, отсутствующие в другом, и наоборот. Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные и экономические процессы. Именно поэтому, в частности, макросоциологический дюркгеймовский и микросоциологический веберовский подходы следует считать не противоборствующими, а поддерживающими друг друга. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что "макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях", и, наоборот, "многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами

воспроизводства социальных институтов" (Гидденс, 1993, с. 69). Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга (Ритцер, 2002, с. 420).

Классическим примером творческого использования того или иного методологического подхода в зависимости от характера проводимых исследований и научных задач служат работы Карла Маркса, представленные в его разнообразном теоретическом наследии. Многие работы Маркса представляют собой пример междисциплинарных экономико-социологических исследований. Не случайно он чтим в пантеоне как великих социологов, так и экономистов. Поэтому мы полагаем уместным сослаться здесь на его труды.

Хотя Маркса часто считают сторонником «методологического коллективизма», известно знаменитое утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенное ими вслед за Л. Фейербахом, о том, что "История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека" (Маркс, Энгельс, 1955, с.102). Следуя такому взгляду, в классовой теории К. Маркс опирается, по сути, на принцип методологического индивидуализма, пусть и с широким привлечением к анализу социальных факторов. Можно также вспомнить и еще одно его положение из «Тезисов о Фейербахе», что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», а также то, что несколькими абзацами ранее в той же работе Маркс пишет: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, - это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» (Маркс, Энгельс, 1985, с. 1-2.). Соответственно можно заключить, что методологический индивидуализм был одним из методов, на которые Маркс опирался в своих исследованиях современной ему социально-экономической системы.

Есть ряд известных свидетельств, подтверждающих справедливость подобной трактовки. Так один из представителей аналитического марксизма Джон Элстер в своей книге «Осмысление Маркса» утверждает, что основным методом, который использовал Маркс для объяснения социальных явлений, было внимание к непреднамеренным последствиям человеческого действия. В отличие от большинства других марксистов, считающих Маркса «методологическим гением» макроструктур, Элстер полагает, что Маркс практиковал «методологический индивидуализм», или «доктрину, согласно которой все социальные явления — их структура и их изменения — принципиально объяснимы исключительно с точки зрения индивидов, их качеств, целей, убеждений и действий» (Elster, 1985, p. 5). Элстер подчеркивает, что Маркса интересовали акторы, их цели, намерения и их рациональный выбор. Опираясь на теорию рационального выбора, и, как он полагал, развивая подход Маркса, Элстер уделял особое внимание этим

рациональным агентам (капиталистам и пролетариату) и их взаимоотношениям. По его словам, «капиталистические предприниматели в самом что ни на есть активном смысле являются агентами. Их роль нельзя свести к простому занятию определенных позиций в капиталистической производственной системе» (Elster, 1985, p. 13).

Другой представитель аналитического марксизма Джон Рёмер также утверждает, что «марксистский анализ требует микрообоснований», особенно применения теории рационального выбора и теории игр, а также «арсенала разработанных в неоклассической экономике методов моделирования» (Roemer, 1986, p. 192.). Иными словами, теория рационального выбора в марксизме ищет и находит микрообоснования марксистской теории (Ритцер, 2002, с. 204).

В то же время нельзя забыть и того, что Маркс утверждал: "Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого" (Маркс, 1955, т. 8, с. 119). Основа человеческой истории определяется теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а результатом деятельности прежних поколений (Маркс, Энгельс, 1968, с. 97). Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе макроструктур и институтов, т.е. задают взгляд на общество с позиций холистического подхода. Здесь общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей средой.

Наряду с комплементарностью применяемых подходов, еще одной перспективой развития междисциплинарных исследований в экономике и социологии является сближение теоретических моделей исследуемого индивидуума, или субъекта. Экономический анализ, основанный на фигуре *homo economicus*, и социологический анализ, который исходит из существования *homo sociologicus*, представляют собой две противоположности. Если первая модель сводит все изучаемые социально-экономические явления к действиям как бы изолированных индивидов и не учитывает других социальных взаимосвязей, то вторая объясняет индивидуальные действия давлением социальной взаимозависимости, не допуская, что последняя, в свою очередь, возникает из общения между отдельными людьми. Человеческий тип, охватывающий оба этих крайних типа в качестве специальных случаев, определяется как человек социоэкономический, или *homo socioeconomicus*. Модели *homo economicus* и *homo sociologicus* представляют собой две крайние точки на общей оси. Методом взаимного сближения и уступок можно найти на оси между двумя полюсами компромиссную точку, своего рода «золотую середину», которая и

должна указать на «социоэкономического человека», сближающего экономистов и социологов (Вайзе, 1993, с. 115-130).

В отличие от методологии *homo economicus*, подход, основанный на методологии *socioeconomicus*, характеризуется не одной фиксированной моделью, но является программой построения разных моделей, описывающих широкий спектр типов действия в континууме между полюсами «недосоциализированного» и «пересоциализированного» действия. Модель «экономического человека» в этом случае не отбрасывается, а включается в методологический арсенал в качестве одной из ключевых рабочих моделей для типологических построений, но при этом рассматривается не как единственная или господствующая, но скорее как крайний случай. Существует обширный класс явлений и процессов, действительно описываемых моделью рационального эгоиста и, как отмечает Гарри Беккер, отказ от допущения неоклассики нередко не ведет к изменению содержательных результатов моделей (Becker, 1962). Кроме того в экономической теории можно говорить и о модели психологического человека. Ю. Я. Ольсевич отмечает важность психологического аспекта рассмотрения поведения человека, ссылаясь на Акерлофа, Шиллера и Стиглица, которые считают невозможным построить теоретическую модель капитализма, абстрагируясь от основных свойств человеческой психики (Ольсевич, 2013, с.17). Таким образом, «экономический» человек (потребитель, работник) одновременно является «психологическим» человеком, поскольку действует под влиянием стимулов поведения, а также и «социологическим», выполняя социальную роль, имея определенный статус и занимая определенную позицию в социальной структуре общества. Ценностно-ориентированное поведение превращается в своеобразную модель экономического действия (Пилипенко, Гансова, 2002).

Заключение

Принципы методологического индивидуализма и холизма являются достаточно универсальными и используются как в экономической теории, так и в социологии. Исследование показало отсутствие непреодолимой стены между индивидуализмом и холизмом как методологическими принципами исследования. Они отражают различные взгляды на характер функционирования и развития экономических и социальных систем и дополняют друг друга. Как правило, они используются на разных стадиях экономического и социологического анализа – принцип холизма адекватен при анализе структуры на стадии морфостаза, а принцип индивидуализма – на стадии ее изменения, или морфогенеза. Как человек меняет очки «для близи» и «для дали» в зависимости от необходимости рассмотреть те или иные явления и предметы, так и ученый в зависимости от своих исследовательских задач выбирает тот или иной корпус исходных предпосылок, адекватный поставленным задачам.

Попытки построения «синтетических» подходов, опирающихся одновременно на методологические принципы индивидуализма и холизма, постоянно предпринимаются как в экономике (особенно в последние годы), так и в социологии, где они имеют более продолжительную традицию. Однако удовлетворительных и внутренне непротиворечивых «синтетических» методологических схем, на основе которых можно было бы «развивать полезные социальные теории для работающих исследователей» (М. Арчер), пока не создано. Скорее можно предположить длительный период сосуществования рассмотренных принципов как комплементарных, дополняющих друг друга в более полном познании свойств экономики и общества, позволяющих получать знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, – что не снимает возможности использования либо того, либо другого в серии исследовательских задач. Многие ученые - и экономисты, и социологи (характерным примером являются труды К. Маркса) в своих исследованиях последовательно базируются на принципах либо методологического индивидуализма, либо холизма.

Независимо от того, на какие принципы опирается исследователь, важнее не противостояние между ними, а «способность к рефлексии второго порядка – связанной с осознанием и осмыслением неизбежных границ и содержательных возможностей собственного подхода» (Радаев, 2008, с. 120). Принципы методологического индивидуализма и холизма, «осознанные и осмысленные», предстают как комплементарные и имеют очевидные перспективы при проведении междисциплинарных исследований в экономике и социологии.

Литература

1. Автономов В. (2013). Абстракция мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики, № 4. С. 4-23.
2. Автономов В. (ред.) (2001). История экономических учений. / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, гл. 36.
3. Автономов В.С. (2010). От «экономического империализма» к стремлению к обогащению. // Общественные науки и современность, № 3. С. 173-176.
4. Ананьин О.И. (2002). Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. - М.: Институт экономики РАН.
5. Ананьин О.И. (2013). Онтологические предпосылки экономических теорий. - М.: Институт экономики РАН.

6. Арчер М. (1999). Реализм и морфогенез. В: Теория общества: фундаментальные проблемы. / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц - Кучково поле.
7. Бессонова О.Э. (1998). Институциональная теория хозяйственного развития России: Автореф. Дис... д-ра социолог. наук. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
8. Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
9. Большой толковый социологический словарь. (1999). Бурдые П. - М.: ВЕЧЕ-АСТ. Т. 2.
10. Вайзе П. (1993). Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // Thesis, Т.1 Вып. 3.
11. Гидденс Э. (1993). Девять тезисов о будущем социологии// THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. - Зима 1993. Т. 1. Вып. 1.
12. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. (1996). Западная теоретическая социология. М.: Изд-во «Ольга».
13. Дзарасов С.С. (ред.) (2004). Теория капитала и экономического роста: Учеб. пособие. / Под ред. С.С. Дзарасова. М: Изд-во МГУ.
14. ДиМаджио П. (2004). Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. - М.
15. Дози Дж. (2012). Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы. // Вопросы экономики. № 12. С. 31-55.
16. Допфер К. (2008). Истоки мезоэкономики // "Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие". Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область. М: Институт экономики РАН.
17. Дюркгейм Э. (1995). Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
18. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. (1991). Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука.
19. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4. (2000). – СПб.: РХГИ.
20. История экономических учений. Учебное пособие.(2000). - М.: ИНФРА-М.
21. История экономических учений (современный этап). (2007). / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М: ИНФРА-М.
22. Кейнс Дж. М. (2012/1936). Общая теория занятости, процента и денег / Пер. проф. Н. Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ.
23. Кирдина С.Г. (2013а). К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН.

24. Кирдина С.Г. (2013б). Методологический индивидуализм и методологический институционализм. // Вопросы экономики. - № 10. С. 66-89.
25. Кирдина С.Г. (2013в). Преодолевая ограничения методологического индивидуализма. // Журнал экономической теории. - № 4. С. 100-109.
26. Коммонс Дж. (2007/1936). Институциональная экономика. Пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского университета. Том 5, № 4. С. 59-70.
27. Маркс К. (1955). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч. 2-е изд. Т. 8. - М.: Госполитиздат.
28. Маркс К. (1968). Экономические рукописи 1857-1895 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. М: Госполитиздат.
29. Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Соч. 2-е изд. Т. 2. - М.: Госполитиздат.
30. Маркс К., Энгельс Ф. (1968). Избранные произведения. - М.: Прогресс.
31. Маркс К., Энгельс Ф. (1985). Избранные сочинения. В 9-ти т. Т.2 – М.
32. Нестеренко А. Н. (2002). Экономика и институциональная теория. М: УРСС.
33. Новая философская энциклопедия. Т. 3. (2001). - М.: Мысль.
34. Ольсевич Ю. Я. (2013). Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: Институт экономики РАН.
35. Ольсевич Ю.Я. (2007). О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения// Montenegrin Journal of Economics. December. P. 13-41.
36. Павленко Ю.Г. (2008). Гражданское общество: теория, модели, перспективы. М: И Э РАН.
37. Павленко Ю.Г. (2014). Методологический индивидуализм и холизм в экономике и социологии // Вестник института экономики РАН. 2014 № 3. С. 54-67.
38. Пилипенко В.Е., Гансова Э.А., Казаков В.С. и др. (2002). Экономическая социология. – Киев: МАУП.
39. Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа. // Общественные науки и современность, № 2. С. 101-111
40. Радаев В.В. (2008). Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // Общественные науки и современность, № 6. С. 116-123.
41. Радаев В.В. (2000) Есть ли шанс создать национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. Том 5, №3. Лето.

42. Радаев В.В. (2005). Экономическая социология. Учебник для вузов. - М: Изд. дом ГУ ВШЭ.
43. Радаев В. (1997). Экономическая социология: Курс лекций. - М: Аспект Пресс.
44. Ритцер Дж. (2002). Современные социологические теории. – СПб.: Питер.
45. Рубинштейн А. Я. (2009). Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. № 11. С. 98-109.
46. Рубинштейн А.Я. (2012). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии.// Общественные науки и современность. 2012. № 6. С.13-34.
47. Рубинштейн А.Я. (2013). Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
48. Рубинштейн А. Я. (2008). Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. С-Пб.: Алетейя.
49. Ситнова И. В. (2012). Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива.
50. Тамбовцев В.Л. (2008). Перспективы «экономического империализма»// Общественные науки и современность, № 5. С. 129-136.
51. Теория капитала и экономического роста: Учеб. пособие (2004). / Под ред. С.С. Дзарасова. М: Изд-во МГУ.
52. Терборн Г. (1999). Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке. В: Теория общества: фундаментальные проблемы. / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц - Кучково поле.
53. Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М: Дело.
54. Худокормов А.Г. (2009). Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. – М: ИНФРА-М.
55. Шаститко А.Е. (2002). Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М: ТЕИС
56. Шкаратан О. И. (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М: Издательский дом ВШЭ.
57. Ядов В. (1994). Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетних дискуссий социологов) // Общество и экономика. № 10-11
- Арчер М. (1994). Реализм и морфогенез. // Социологический журнал. N 4.
58. Ackley G. (1968). Macroeconomic Theory. New York: The Macmillan Co.
59. Agassi J. (1960). Methodological Individualism. In: O'Neil J.(Ed.) Modes of Individualism and Collectivism. London: Heinemann.

60. Agassi J. (1975). "Institutional Individualism." // *British Journal of Sociology*, 26. P. 144-155. Reprinted in: J. Agassi and I. C. Jarvie, *Rationality: The Critical View*, Dordrecht: Kluwer, 1987.
61. Agass, J. (1975). *Institutional Individualism*. // *British Journal of Sociology*. 1975. 26 (2).
62. Archer M. (1995) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
63. Archer M. (1998) *Realism in the social sciences*. In Eds Archer,M, Bhaskar,R, Collier,A, Lawson,T & Norrie, A: *Critical realism: Basic Readings*. London; Routledge.
64. Archer M. (2003) *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge; Cambridge University Press.
65. Becker G. S. (1962). *Irrational Behavior and Economic Theory*. *The Journal of Political Economy*, Vol. 70, No. 1 (Feb., 1962)
66. Benton T. (1981). *Realism and Social Science: Some Comments on Roy Bhaskar's The Possibility of Naturalism* // *Radical Philosophy*, 27, Spring, 1981.
67. Bernard J. (1973). *The Sociology of Community*, Glenview.
68. Bhaskar R. (1989). *Reclaiming Reality*. L.: Verso.
69. Bhaskar R. (1979).*The possibility of naturalism*. N.Y.; L.: Harvester Wheat-sheaf.
70. Blau P. (1964). *Exchange and power in social life*. N.Y.: Wiley.
71. Bucklev W. *Sociology and modern systems theory*. N.Y.: Prentice Hall, 1967.
72. Campagna A. (1981). *Macroeconomics*. New York: St. Martin's Press Inc.
73. Coase R. H. (1984). *The New Institutional Economics*. // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 140 (1). P. 229-231.
74. Colander D., Holt R., and Rosser J.B., Jr. (2004). *The Changing Face of Mainstream Economics*. // *Review of Political Economy*, 16 (4). P.485-499.
76. Dequech D. (2007). *Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics*. // *Journal of Post Keynesian Economics*, 30 (2). P. 279-302.
77. Dugger, W. M. (1990). *The New Institutionalism*. *New But Not Institutionalism*. // *Journal of Economic Issues*, vol. XXIV, 2, June. P. 423-431.
78. Edgeworth F.Y. (1881). *Mathematical Psychics*. London: C. Kegan Paul & Co.
79. Elster J. (1985). *Making Sense of Marx*. Cambridge: Cambridge University Press.
80. Etzioni A. (1988). *The Moral Dimension: Toward a New Economics*. New York: Free Press.
81. Furubotn, E. (1993). *The New Institutional Economics. Recent Progress; Expanding Frontiers*. // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 149 (1). P. 1-10.

82. Heilbroner R. (1970). *Understanding Macroeconomics*. 3rd ed. New Jersey: Englewood Cliffs.
83. Hodgson G. (2007). *Institutions and Individuals: Interaction and Evolution* // *Organization Studies* 28 (1). P. 95-116.
84. Jarvie J. (1972). *Concepts and Society*. London: Routledge & Kegan Paul.
85. Keizer P. (2007). *The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition*. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute - Utrecht School of Economics, Utrecht University.
86. Langlois R.N. (1989). *What is Wrong with the Old Institutional Economics (and What is still Wrong with the New?)* // *Review of Political Economy*, 1 (4).
87. Lavoie M. (1992). *Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis*. Aldershot, UK, and Brookfield, VT, USA: Edward Elgar.
88. Lindenberg S.(1985). *An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular//Sociological Theory*. Spring 1985.
89. Marshall A. (1890). *Principles of Economics*. Volume: 1. London: Macmillan and Co.
90. Parsons T. (1937). *The structure of social action*. N. Y: McGraw Hill.
91. Roemer J. (1986). *Rational Choice Marxism: Some Issues of Method and Substance* // J. Roemer (ed.). *Analytical Marxism*. Cambridge.
92. Rutherford M. (1994). *Institutions in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
93. Rutherford M. (1984). *Thorstein Veblen and the Process of Institutional Change*. // *History of Political Economy*, 16 (3). Fall. P. 331-348.
94. Rutherford M. (1989). *What is Wrong with the New Institutional Economics (and What is Still Wrong with the Old)?* // *Review of Political Economy*, 1 (4). P. 299-318.
95. Schmid A. A. (1987). *Property, Power, and Public Choice*. New York: Praeger Publishers.
96. Seckler D. (1981). *Individualism and Institutionalism Revisited. A Response to Professor Bush*// *American Journal of Economics and Sociology*, 40 (4), Oct. P. 415-425.
97. Szacki J. (2005). *Historia myśli sociologicznej*. - W- wa.
98. Therborn G. (1991). *Cultural belonging, structural location and human action. Explanation in sociology and social science* // *Acta Sociological Journal of the Scandinavian Sociological Association*. Vol. 34. № 3. P. 177-192.
99. Toboso F. (1995). *Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics*. // *European Journal of Law and Economics*, 2 (1). P. 63-84.

100. Toboso F. (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation. // *Cambridge Journal of Economics*, 25 (6), November. P. 765-783.
101. Toboso F. (2008). On institutional individualism as a middle way mode of explanation for approaching organizational Issues, chapter 10 in Mercurio, N. (Ed.), *Alternative Institutional Structures: Evolution and Impact*. London: Routledge.
102. Udehn L. (2001). *Methodological individualism: Background, history and meaning*. London: Routledge.
103. Udehn L. (2002). The Changing Face of Methodological Individualism. // *Annual Review of Sociology*, 28. P. 479-507.
104. Weber M. (2002). *Gospodarka I społeczeństwo*. – Warszawa: Wyd. PWN.
105. Wilber Ch. K., Harrison R.S. (1978). The Methodological Bases of Institutional Economics. Pattern Model, Storytelling, and Holism. // *Journal of Economic Issues*, 12 (1), March. P. 61-89.
106. Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, 38 (3). P. 595-613.
107. Woodford M. (2009). Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *American Economic Journal: Macroeconomics*, 1(1). P. 267-279.